

Переклад німецьких ФОКК українською мовою наштовхується на значні труднощі, які пов'язані з відносинами між цими мовами як різноструктурними, що перебувають у далекому генетичному зв'язку. Чим віддаленіші мови за особливостями своєї будови, тим більшими є втрати при перекладі, і семантичні особливості вимагають тоді турботливого зберігання. При відтворенні змістовно-стилістичних та експресивно-емоційних функцій ФОКК потрібно мати на увазі, що мови (німецька та українська) відрізняються не тільки словниковим складом, граматичною і фонетичною будовою, а й внутрішніми законами організації. Слід також враховувати рівень співвідношення експресії, різний для зазначених мов, що має велике практичне значення для лінгвістичної відповідності перекладу.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский. – М.: Новое издание, 2004. – 287с.
2. Зорівчак Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів: Вища шк. Вид-во при Львів. ун-ті, 1983. – 176с.
3. Зубач О.А. Національно-культурна своєрідність семантики фразеологічних одиниць з колористичним компонентом у сучасній німецькій мові: Автореф.... канд. філол. наук: 10.02.04. – Д., 2007. – 20 с.
4. Ковальська І.В. Колористика як перекладознавча проблема (на матеріалі українських і англійських текстів): Автореф.... канд. філол. наук: 10.02.16/ ЛНУ ім. І. Франка. – Л., 2001. – 20 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р. Валент», 2006. – 240 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Марина Літвінова – кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії і практики германських і романських мов Східноукраїнського національного університету.

Наукові інтереси: особливості формування, організації та функціонування фразеологічної семантики, її відтворення при перекладі.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА, ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Семен ЛИТВАК (Запорожье, Украина)

Стаття присвячена з'ясуванню ролі граматичної семантики в структурі мовної картини світу і пов'язаними з цим проблемами перекладу.

The article deals with elucidation of grammatical semantics in the structure of language world view and some problems of translation.

Возрастающий интерес современной лингвистики к изучению человеческого фактора в языке вызвал появление целого ряда работ, посвященных исследованию различных аспектов языковых картин мира и проблем языкового релятивизма [20; 10; 13; 25; 19; 11; 8; 15].

Однако вопросы об этнической специфичности грамматического уровня языка и о сопоставительном анализе семантики одноименных грамматических категорий разных языков продолжают оставаться недостаточно разработанными.

Целью нашей работы является освещение указанных вопросов на материале нескольких языков. Эта цель обусловила решение следующих задач:

- 1) обосновать этнический характер грамматической семантики;
- 2) описать примеры изменений в языковой картине мира (ЯКМ), вызванных изменениями в грамматическом строе языка;
- 3) охарактеризовать семантические расхождения между языками на грамматическом уровне в связи с проблемами перевода;
- 4) дать классификацию одноименных грамматических категорий разных языков в связи с особенностями их семантики.

1. В наше время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит действительность, имеет свой специфический способ ее концептуализации. Как подчеркивал еще В. Гумбольдт, различие языков состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и различиях самих мировидений [6: 139]. Особое мировидение – это и есть специфическая языковая картина мира.

Существует много определений ЯКМ. На наш взгляд, наиболее удачным является следующее: ЯКМ – это способ отражения внеязыковой действительности в содержательной стороне языка [14: 405].

ЯКМ принято протипоставлять концептуальной или научной картине мира (НКМ). Под концептуальной картиной мира понимают глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории [23: 56]. НКМ представляет собой разновидность концептуальной картины мира, ее высшую стадию, которая создается в результате научного познания действительности [23: 70].

В противоположность НКМ ЯКМ многие исследователи называют "наивной". В качестве хрестоматийных примеров, иллюстрирующих отличие НКМ от ЯКМ, приводят различные дефиниции таких понятий, как "время", "воздух", "прямая линия" и т.п., содержащиеся в энциклопедических и лингвистических словарях.

Из подобных примеров напрашивается вывод о том, что ЯКМ запечатлена только в лексико-семантической стороне языка. Поэтому неудивительно, что, анализируя картину мира какого-либо языка, лингвисты обращаются главным образом к его лексико-семантической системе. Однако некоторые ученые очень четко говорят о роли грамматического уровня языка в представлении ЯКМ. Так, Е. В. Урысон указывает, что "специфичная языковая картина мира закреплена в грамматике, а именно в семантически значимых грамматических категориях, и в лексической системе языка" [25: 79]. О.В. Бережная, вслед за Б.В. Касевичем, считает, что ЯКМ – это семантика словарного состава языка плюс семантика его грамматического строя [2: 12]. В. В. Красных, ссылаясь на В.А. Маслову, указывает, что ЯКМ – это совокупность знаний о мире, заключенных в лексике, фразеологии и грамматике [11: 71].

Блестящий анализ этнического характера грамматической семантики разных языков дан в работе А. Вежбицкой "Семантические универсалии и описание языков". А. Вежбицкая подчеркивает, что "грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности" [4: 44].

2. В большинстве исследований ЯКМ представлена устойчивой и стабильной. Между тем, концептуальная картина мира и ЯКМ формируются исторически, им обеим присущи одновременно и консерватизм и изменчивость [24: 12].

Изменения в ЯКМ могут происходить не только в связи с изменениями в лексической системе, но и в связи с инновациями в грамматическом строе языка. Как известно, в древнеанглийском языке глагол имел только два времени – настоящее и прошедшее. Идея будущности выражалась лексически или контекстуально. Однако уже в древнеанглийском языке в результате грамматикализации модальных глаголов *sculan* и *willan* зарождается грамматический способ выражения будущего действия. Вероятно, в связи с возникновении грамматической формы будущего времени в языковом сознании древних британцев появился грамматический концепт будущности. Небезынтересно отметить, что и в языковом сознании современных носителей английского языка этот концепт ассоциируется прежде всего с грамматической формой будущего времени, несмотря на наличие в современном английском языке различных способов выражения будущего действия. Как подчеркивает Р. Морсбергер, на вопрос, чем выражается будущее действие в английском языке, большинство его носителей ответили бы, что оно выражается будущим временем [27: 105].

Другой пример. До XIII века в языке идиш, как и в других германских языках, не было категории вида. В дальнейшем под влиянием славянских языков в идише развилось чуждое германским языкам последовательное различие несовершенного и совершенного видов [12: 667]. Оно проявляется в видовых парах глаголов типа *leinen* – *iberleinen* (читать – прочесть), *hazern* – *ois hazern* (учить – выучить). Очевидно, с возникновением категории вида в языковом сознании носителей языка идиш возник грамматический концепт незавершенности – завершенности действия.

Разумеется, не всякое изменение в грамматическом строе языка вызывает изменение в ЯКМ. Интересный пример стабильности грамматических концептов приводит Н.А. Кобрин. Хотя английский язык утратил большинство старых форм сослагательного наклонения, это вовсе не означает, что исчез сам концепт гипотетичности или нереальности. Изменился лишь способ его представления в ЯКМ: "категория сослагательного наклонения

превращается из морфологической категории глагола в категорию синтаксическую, или, точнее, сентенциальную" [9: 71].

3. Семантические расхождения на грамматическом (морфологическом) уровне проявляются прежде всего в наличии или отсутствии грамматических категорий "преимущественно отражательного типа" [3: 75], которые в целом адекватно фиксируют компоненты общей концептуальной картины мира [21: 19]. Например, в английском языке есть грамматическая категория определенности-неопределенности, которая отсутствует в большинстве славянских языков, а в русском и украинском языках есть категория одушевленности-неодушевленности, которая отсутствует в английском языке.

Чем дальше языки отстоят друг от друга в генетическом плане, тем более значительными могут быть их различия в области грамматической семантики. Например, в японском языке нет категории числа существительных, а в языке юрок нет категории глагольного времени, которые присущи индоевропейским языкам. Наоборот, индоевропейским языкам абсолютно чужды грамматические категории названий людей, которые свойственны им в языке нутка, грамматический строй которого "вынуждает говорящего, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом" [1: 39].

Как уже отмечалось, элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе языка, имеют обязательный характер. Следует подчеркнуть, что они оказывают давление на говорящего, вынуждая его к выражению тех характеристик, которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел. Другими словами, если в данном языке есть те или иные грамматические значения, то говорящий не может их не выразить в речи, хотя семантическая информация, содержащаяся в них, может оказаться несущественной для акта общения. В таком случае нет необходимости передавать их в переводе. Примером может служить категория одушевленности-неодушевленности в русском и украинском языках.

При переводе возникают особые трудности в противоположном случае – когда в языке перевода есть грамматические элементы, которые не имеют грамматических соответствий в языке оригинала, но которые непременно должны быть переданы в переводе. Как отмечает Р.О. Якобсон, "труднее точно следовать оригиналу, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала" [26: 21]. Р.О. Якобсон иллюстрирует это положение на примере предложения "I hired a worker". Для того, чтобы правильно перевести его на русский язык, необходима дополнительная информация, которая для носителя английского языка несущественна. В частности, необходимо знать, идет ли речь о завершенном или незавершенном действии, о работнике мужского или женского пола. Вне контекста или ситуации ответить на эти вопросы невозможно.

Поскольку указанная информация для носителя английского языка несущественна, ее не требуется передавать в переводе на английский язык. Русские предложения "Я нанимал работника", "Я нанял работника", "Я нанимал работницу", "Я нанял работницу" могут быть переведены на английский язык одинаково: "I hired a worker".

На удивительное своеобразие набора грамматических категорий в разных языках указывал еще О. Есперсен: "...то, что в одном языке выражается с необычайной точностью в каждом предложении, в другом языке остается вообще невыраженным, как будто оно не имеет никакого значения" [7: 50].

4. Не менее своеобразными оказываются и одноименные грамматические категории разных языков. Характеризуя такие категории, А. Вежбицкая отмечает, что, с одной стороны, они могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу на основании некоторого общего семантического ядра, а с другой стороны, они не являются тождественными, поскольку "каждый язык располагает своей собственной уникальной системой значений, закодированных в грамматике". "Множественное число" или "прошедшее время" одного языка не полностью соответствуют "множественному числу" или "прошедшему времени" в другом языке [4: 46].

На наш взгляд, с точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории (в частности, в языке оригинала и языке перевода) можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

Одноименные грамматические категории разных языков являются гомогенными в том случае, если семантическое содержание конституирующих их форм совпадает. Примером может быть категория числа существительных в английском, немецком, французском, русском, украинском и многих других языках.

Одноименные грамматические категории разных языков являются частично гетерогенными в том случае, если семантическое содержание грамматических форм в каждом из сопоставляемых языков чем-то отличается. Частичная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена лингвистическим фактором, который Ф. де Соссюр назвал значимостью языкового знака [22: 115]. В данном случае она зависит от количества членов оппозиции – граммем, которые составляют грамматическую категорию. Так, в тех языках, где категория числа существительных представлена двучленной оппозицией "единственное число – множественное число" (например, в английском, немецком, русском, украинском и многих других языках), форма множественного числа имеет значение "более одного"; в тех же языках, где категория числа существительных представлена трехчленной оппозицией "единственное число – двойственное число – множественное число" (например, в литовском языке, в иврите) форма множественного числа имеет значение "более двух".

Одноименные грамматические категории разных языков являются полностью гетерогенными, если семантическое содержание соответствующих граммем существенно отличается. Полная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена различными способами концептуализации действительности разными языками. Примером может служить категория глагольного вида, которая в славянских языках представлена грамматическими значениями совершенного и несовершенного видов, а в английском языке – общего и длительного видов. В то время как в славянских языках категория вида выражает отношение действия к его внутреннему пределу или результату [5: 35], в английском языке категория вида передает характер протекания действия [16: 8]. Поэтому между семантикой видов славянского глагола и английского глагола нет непосредственного соответствия: длительный вид переводится несовершенным видом, но несовершенный вид может переводиться как длительным, так и общим видом. Переводчик должен сделать выбор на основе узкого или широкого контекста.

Полностью гетерогенными могут быть одноименные грамматические значения даже в родственных языках одной подгруппы. Примером может служить семантика перфектной формы в трех западногерманских языках – немецком, английском и идише. Немецкий перфект обозначает прошедшее действие, связанное с настоящим моментом своим результатом; соответствующая аналитическая конструкция английского языка воспринимается его носителями как настоящее время, а внешне совпадающая с ней конструкция языка идиш обозначает прошедшее действие вообще, вовсе необязательно связанное с настоящим моментом:

нем. Ich habe das gemacht (прошедшее время – претерит);

англ. I have done it (наст. время перфектного разряда);

идиш Ix hob gemaxt dos nextn. (общепрошедшее время).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Каждый язык создает специфическую картину мира, которая представляет собой способ его концептуализации. Этническая специфичность ЯКМ проявляется не только на лексическом уровне, но и на грамматическом уровне – в семантически значимых грамматических категориях.

2. Изменения в ЯКМ могут происходить не только в связи с изменениями в лексической системе, но и в связи с инновациями в грамматическом строе языка.

3. С точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

4. Полностью гетерогенными могут оказаться одноименные грамматические значения даже родственных языков одной подгруппы.

5. Элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе определенного языка, должны учитываться в процессе перевода.

Работа по исследованию роли грамматической семантики в представлении ЯКМ может быть продолжена на материале других языков.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302с.
2. Бережна О. В. Мовна картина світу художнього тексту як відображення концептуальної картини світу автора // Наукова спадщина Ю. О. Жлуктенка та сучасне мовознавство. – К.: КНУ 2000. – С. 12 – 16.
3. Бондарко А. В. Классификация морфологических категорий // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975, – С. 56-76.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
5. Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
6. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: УРСС, 2002, – 404 с.
8. Кісь Роман. Мова, думка і культурна реальність (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму). – Львів: Літопис, 2003. – 303 с.
9. Кобрин Н. А. О способах комбинаторной реализации некоторых категориальных значений // Языки и транснациональные проблемы. – Т.2. – Москва – Тамбов: ТГУ, 2004. – С. 63 – 73.
10. Кононенко І. В. Національно-мовна картина світу: зіставний аспект (на матеріалі української та російської мов // Мовознавство. – 1996. – №6. – С. 39 – 46.
11. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 161 с.
12. Краткая Еврейская энциклопедия. – Т.2. – Иерусалим, 1982. – 867 с.
13. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 314 с.
14. Левицкий В. В. Семасиология. – Винница: Нова Книга, 2005. – 512 с.
15. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта – Наука, 2003. – 312 с.
16. Міліх Н. Г., Перебийніс В. С., Рукіна Е. П. Морфологія англійського дієслова. – К.: Либідь, 1995. – 220 с.
17. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира. – ФН. – 2000. – №1. – С. 40 – 49.
18. Перцов Н. В. Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ. – 1996. – №4. – С. 39 – 61.
19. Пирлік Н. В. Категорія часу у мовній картині світу // Семантика часу і тексту. Збірник статей VI міжнародної конференції 26 – 28 вересня 2000 року. – Івано-Франківськ: Плай, 2000. – С. 460 – 464.
20. Радбиль Т. Б. Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии "язык – речь" // Лингвистика на исходе XX века. Тезисы международной конференции. – Том II. – М.: Филология, 1995. – С. 434 – 435.
21. Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 19 – 35.
22. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
23. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Госакадемия кадров, 2003. – 192 с.
24. Тропина Н. П. Семантические деривации и языковая картина мира // Вісник Черкаського університету. – Випуск 24. – Серія Філологічні науки. – Черкаси, 2001. – С. 12 – 15.
25. Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. – 1999. – №6. – С. 79 – 82.
26. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 – 24.
27. Morsberger R. E. Commonsense Grammar and Style. – N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1975. – 382 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Семен Литвак – доцент кафедри теорії та практики перекладу, кандидат філологічних наук, доцент.
Наукові інтереси: теоретична граматики, порівняльна граматики, теорія перекладу.

СПЕЦИФІКА ФОНОЛОГІЧНИХ І ФОНЕМАТИЧНИХ СУБСТИТУЦІЙ У СПІЛЬНОМУ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКОМУ ОНІМНОМУ ПРОСТОРИ

Володимир МОЗГОВИЙ (Донецьк, Україна)

У статті зроблено спробу описати методику передачі спільної українсько-російської онімної системи українською мовою, враховуючи специфіку понять «звук» і «фонема» в ономастиці. Для цього в науковий обіг вводиться поняття «ономафон».

The author of the article has tried to describe the technique of transference of general Ukrainian-Russian onym system by the Ukrainian language considering peculiarities of sounds and phonemes in onomastics. Therefore, the notion "onomaphone" is being introduced in scientific environment.

Обґрунтування теми. Способи передачі власних назв у споріднених мовах, які функціонували юридично за часів СРСР в російській звуковій «оболонці», змінилися в сучасних умовах української незалежності з точністю до протилежного. Українська офіційна доктрина (як, до речі, і білоруська [3]) акцентує «українське» прочитання «російської» пропріальної лексики, забуваючи про спільну природу російських і українських імен і специфічний статус власної назви, пов'язаний із життям і долею конкретної особи або конкретного адміністративного об'єкта.